

Персона

Здесь был Вася. Аксенов.

Аксенов, говоря банально, это наше все. Когда-то его читатели, молодые и не очень, общались исключительно на языке «Затвореной бочкоты», «Звездного билета», «Апельсинов из Марокко». Чуть позднее перебрасывались цитатами из «Поисков жара», «Остров Крым» стал настольной книгой практически у всего читающего населения одной шестой части суши. После него не-

остров Крым превратился в культовое место, а сам Василий Аксенов стал объектом любви, страсти, ненависти, споров, критики и, наконец, окончательного и не подлежащего обжалованию признания: «Аксенов», как написала в свое время одна газета, «патриарх русской словесности». Это не избавило его ни от негативной критики (и «Московская сага», и последний роман «Но-

вый сладостный стиль» литераторами

«Василий Аксенов — патриарх»?

— Да, я — патриарх... Мадуся... Не заметил, как стал.

— И каково быть Мадусям, Василий Павлович?

— Очень сложно.

— Потому что спрос очень большой. У патриарха не должен звонить телефон, а у меня постоянно.

— Это плохо?

— Я привык к уединенной жизни в Америке. Живу на опушке леса. Если звонят, то умерено. Сумасшедшего дома, как в Москве, нет. Не ожидал такого. Обычно бывает много звонков, но на этот раз просто обвали...

— Неприятно, что вас любят?

— Не думаю, что это — проявление любви. Это какой-то странный интерес. Ни литературный. Литературой мало кто интересуется. В основном это связано с политическим подтекстом...

— Российская политика вас не интересует?

— До определенной степени. Я не такой уж пустынний житель. Считаю своей обязанностью участвовать в политике России. Здесь, как выясняется, на меня спрос как на представителя кого-то. А когда читают, я не могу понять. Но этой мой гражданский долг, я должен участвовать не в политической, но в общественной жизни и России, и Америки. В тех пределах, в которых надо, хотя в Штатах от меня многого не требуют. И в отношениях между этими странами, поскольку я — и там, и там.

— А где вас больше?

— Ни здесь, ни там. Я — за своим письменным столом, в одиночестве...

— География не важна?

— Нет, мой стол — там. Здесь не пишется. Нет вдохновения. Все время какая-то грустная, тяжелая, мрачная звонкость. «А что вы думаете о 95-летии Шолохова?» И иногда чувствуешь себя чем-то вроде ламы-профессионала. Сидишь и принимешь клиентов.

— А.. дивиденды?

— Больше... Внимание к клиентам.

— Однажды то, что вы поддерживаете войну в Чечне и не подписали письмо против нее, устраивает далеко не всех.

— Россия посыпает в Чечню войска, чтобы избавиться от дестабилизирующего элемента, от банды, которая захватила власть в этом регионе. А администрация «Пена» настроена в духе устрашающей западной политкорректности. При этом вырабатывается двойной стандарт, много лицемерия. Особенно меня раздражило выступление Понтия Грасса. Он явно приехал с идеей просветить дремотные умы варварского народа.

— Так уже было в 1986 году в Нью-Йорке на Пен-клубе, где мы пришли с тем чтобы убежать, а в Америку вбежать. Это вызвало бурный всплеск конференции. Затем они начали собирать подписи под письмом против американского вмешательства в дела Никарагуа. А я уже высказался против никарагуанских гадов, вроде как против чеченских бандитов. И кому подошел Аллен Гинсберг: «Почему ты отказываешься? Все подписали. Смотри, какие имена!» Все подписали! Я первый раз стоял перед этим стадионом мышлением творческой интеллигентии. Оставаясь наси-

сокие чувства, несмотря на то что сюда осталась Нора для него и Беттичес...

— Вы согласны с определением: «Василий Аксенов — патриарх»?

— Да, я — патриарх... Мадуся... Не заметил, как стал.

— И каково быть Мадусям, Василий Павлович?

— Очень сложно.

— Потому что спрос очень большой. У патриарха не должен звонить телефон, а у меня постоянно.

— Это плохо?

— Я привык к уединенной жизни в Америке. Живу на опушке леса. Если звонят, то умерено. Сумасшедшего дома, как в Москве, нет. Не ожидал такого. Обычно бывает много звонков, но на этот раз просто обвали...

— Неприятно, что вас любят?

— Не думаю, что это — проявление любви. Это какой-то странный интерес. Ни литературный. Литературой мало кто интересуется. В основном это связано с политическим подтекстом...

— Российская политика вас не интересует?

— До определенной степени. Я не такой уж пустынний житель. Считаю своей обязанностью участвовать в политике России. Здесь, как выясняется, на меня спрос как на представителя кого-то. А когда читают, я не могу понять. Но этой мой гражданский долг, я должен участвовать не в политической, но в общественной жизни и России, и Америки. В тех пределах, в которых надо, хотя в Штатах от меня многого не требуют. И в отношениях между этими странами, поскольку я — и там, и там.

— А где вас больше?

— Ни здесь, ни там. Я — за своим письменным столом, в одиночестве...

— География не важна?

— Нет, мой стол — там. Здесь не пишется. Нет вдохновения. Все время какая-то грустная, тяжелая, мрачная звонкость. «А что вы думаете о 95-летии Шолохова?» И иногда чувствуешь себя чем-то вроде ламы-профессионала. Сидишь и принимешь клиентов.

— А.. дивиденды?

— Больше... Внимание к клиентам.

— Однажды то, что вы поддерживаете войну в Чечне и не подписали письмо против нее, устраивает далеко не всех.

— Россия посыпает в Чечню войска, чтобы избавиться от дестабилизирующего элемента, от банды, которая захватила власть в этом регионе. А администрация «Пена» настроена в духе устрашающей западной политкорректности. При этом вырабатывается двойной стандарт, много лицемерия. Особенно меня раздражило выступление Понтия Грасса. Он явно приехал с идеей просветить дремотные умы варварского народа.

— Так уже было в 1986 году в Нью-Йорке на Пен-клубе, где мы пришли с тем чтобы убежать, а в Америку вбежать. Это вызвало бурный всплеск конференции. Затем они начали собирать подписи под письмом против американского вмешательства в дела Никарагуа. А я уже высказался против никарагуанских гадов, вроде как против чеченских бандитов. И кому подошел Аллен Гинсберг: «Почему ты отказываешься? Все подписали. Смотри, какие имена!» Все подписали! Я первый раз стоял перед этим стадионом мышлением творческой интеллигентии. Оставаясь наси-

сокие чувства, несмотря на то что сюда осталась Нора для него и Беттичес...

— Вы согласны с определением: «Василий Аксенов — патриарх»?

— Да, я — патриарх... Мадуся... Не заметил, как стал.

— И каково быть Мадусям, Василий Павлович?

— Очень сложно.

— Потому что спрос очень большой. У патриарха не должен звонить телефон, а у меня постоянно.

— Это плохо?

— Я привык к уединенной жизни в Америке. Живу на опушке леса. Если звонят, то умерено. Сумасшедшего дома, как в Москве, нет. Не ожидал такого. Обычно бывает много звонков, но на этот раз просто обвали...

— Неприятно, что вас любят?

— Не думаю, что это — проявление любви. Это какой-то странный интерес. Ни литературный. Литературой мало кто интересуется. В основном это связано с политическим подтекстом...

— Российская политика вас не интересует?

— До определенной степени. Я не такой уж пустынний житель. Считаю своей обязанностью участвовать в политике России. Здесь, как выясняется, на меня спрос как на представителя кого-то. А когда читают, я не могу понять. Но этой мой гражданский долг, я должен участвовать не в политической, но в общественной жизни и России, и Америки. В тех пределах, в которых надо, хотя в Штатах от меня многого не требуют. И в отношениях между этими странами, поскольку я — и там, и там.

— А где вас больше?

— Ни здесь, ни там. Я — за своим письменным столом, в одиночестве...

— География не важна?

— Нет, мой стол — там. Здесь не пишется. Нет вдохновения. Все время какая-то грустная, тяжелая, мрачная звонкость. «А что вы думаете о 95-летии Шолохова?» И иногда чувствуешь себя чем-то вроде ламы-профессионала. Сидишь и принимешь клиентов.

— А.. дивиденды?

— Больше... Внимание к клиентам.

— Однажды то, что вы поддерживаете войну в Чечне и не подписали письмо против нее, устраивает далеко не всех.

— Россия посыпает в Чечню войска, чтобы избавиться от дестабилизирующего элемента, от банды, которая захватила власть в этом регионе. А администрация «Пена» настроена в духе устрашающей западной политкорректности. При этом вырабатывается двойной стандарт, много лицемерия. Особенно меня раздражило выступление Понтия Грасса. Он явно приехал с идеей просветить дремотные умы варварского народа.

— Так уже было в 1986 году в Нью-Йорке на Пен-клубе, где мы пришли с тем чтобы убежать, а в Америку вбежать. Это вызвало бурный всплеск конференции. Затем они начали собирать подписи под письмом против американского вмешательства в дела Никарагуа. А я уже высказался против никарагуанских гадов, вроде как против чеченских бандитов. И кому подошел Аллен Гинсберг: «Почему ты отказываешься? Все подписали. Смотри, какие имена!» Все подписали! Я первый раз стоял перед этим стадионом мышлением творческой интеллигентии. Оставаясь наси-

сокие чувства, несмотря на то что сюда осталась Нора для него и Беттичес...

— Вы согласны с определением: «Василий Аксенов — патриарх»?

— Да, я — патриарх... Мадуся... Не заметил, как стал.

— И каково быть Мадусям, Василий Павлович?

— Очень сложно.

— Потому что спрос очень большой. У патриарха не должен звонить телефон, а у меня постоянно.

— Это плохо?

— Я привык к уединенной жизни в Америке. Живу на опушке леса. Если звонят, то умерено. Сумасшедшего дома, как в Москве, нет. Не ожидал такого. Обычно бывает много звонков, но на этот раз просто обвали...

— Неприятно, что вас любят?

— Не думаю, что это — проявление любви. Это какой-то странный интерес. Ни литературный. Литературой мало кто интересуется. В основном это связано с политическим подтекстом...

— Российская политика вас не интересует?

— До определенной степени. Я не такой уж пустынний житель. Считаю своей обязанностью участвовать в политике России. Здесь, как выясняется, на меня спрос как на представителя кого-то. А когда читают, я не могу понять. Но этой мой гражданский долг, я должен участвовать не в политической, но в общественной жизни и России, и Америки. В тех пределах, в которых надо, хотя в Штатах от меня многого не требуют. И в отношениях между этими странами, поскольку я — и там, и там.

— А где вас больше?

— Ни здесь, ни там. Я — за своим письменным столом, в одиночестве...

— География не важна?

— Нет, мой стол — там. Здесь не пишется. Нет вдохновения. Все время какая-то грустная, тяжелая, мрачная звонкость. «А что вы думаете о 95-летии Шолохова?» И иногда чувствуешь себя чем-то вроде ламы-профессионала. Сидишь и принимешь клиентов.

— А.. дивиденды?

— Больше... Внимание к клиентам.

— Однажды то, что вы поддерживаете войну в Чечне и не подписали письмо против нее, устраивает далеко не всех.

— Россия посыпает в Чечню войска, чтобы избавиться от дестабилизирующего элемента, от банды, которая захватила власть в этом регионе. А администрация «Пена» настроена в духе устрашающей западной политкорректности. При этом вырабатывается двойной стандарт, много лицемерия. Особенно меня раздражило выступление Понтия Грасса. Он явно приехал с идеей просветить дремотные умы варварского народа.

— Так уже было в 1986 году в Нью-Йорке на Пен-клубе, где мы пришли с тем чтобы убежать, а в Америку вбежать. Это вызвало бурный всплеск конференции. Затем они начали собирать подписи под письмом против американского вмешательства в дела Никарагуа. А я уже высказался против никарагуанских гадов, вроде как против чеченских бандитов. И кому подошел Аллен Гинсберг: «Почему ты отказываешься? Все подписали. Смотри, какие имена!» Все подписали! Я первый раз стоял перед этим стадионом мышлением творческой интеллигентии. Оставаясь наси-

сокие чувства, несмотря на то что сюда осталась Нора для него и Беттичес...

— Вы согласны с определением: «Василий Аксенов — патриарх»?

— Да, я — патриарх... Мадуся... Не заметил, как стал.

— И каково быть Мадусям, Василий Павлович?

— Очень сложно.

— Потому что спрос очень большой. У патриарха не должен звонить телефон, а у меня постоянно.

— Это плохо?

— Я привык к уединенной жизни в Америке. Живу на опушке леса. Если звонят, то умерено. Сумасшедшего дома, как в Москве, нет. Не ожидал такого. Обычно бывает много звонков, но на этот раз просто обвали...

— Неприятно, что вас любят?

— Не думаю, что это — проявление любви. Это какой-то странный интерес. Ни литературный. Литературой мало кто интересуется. В основном это связано с политическим подтекстом...

— Российская полит